

Международные
отношения:
история и современность

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-80-99

УДК 94(439).06+94(47).082/.083

Е.Е. Юдин

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

От «монархической» солидарности к формированию образа «врага»: политические контакты русской и австрийской имперских элит в 1885–1914 гг.

Статья посвящена исследованию политических контактов русской и австрийской имперских элит (монархи, дипломаты, придворная аристократия) в 1885–1914 гг. Многочисленные источники, как официального, так и неофициального характера, в т.ч. отчеты и донесения дипломатов, частная переписка, дневниковые и мемуарные записи, позволяют выявить, каким образом русско-австрийские отношения этого периода эволюционировали от «монархического» союза к полному охлаждению и взаимной враждебности. Определяющим фактором в этом отношении, на наш взгляд, стали не только прагматические соображения экономического или политического характера, но и тотальное проникновение в сознание имперских элит националистической идеологии, опиравшейся на абсолютно мифологизированные конструкции. Именно она в конечном счете легла в основу внешнеполитического курса двух империй, Австро-Венгерской и Российской, и блокировала любую возможность достижения политического компромисса между ними.

© Юдин Е.Е., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: российско-австрийские отношения, император Николай II, император Франц Иосиф I, происхождение Первой мировой войны, имперская элита

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юдин Е.Е. От «монархической» солидарности к формированию образа «врага»: политические контакты российской и австрийской имперских элит в 1885–1914 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 80–99. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-80-99

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-80-99

E.E. Yudin

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

From “monarchical” solidarity to the formation of the image of the “enemy”: Political contacts between the Russian and Austrian Imperial elites in 1885–1914

The article is devoted to the study of political contacts between the Russian and Austrian imperial elites (monarchs, diplomats, court aristocracy) in 1885–1914. Numerous sources, both official and unofficial, including reports and dispatches from diplomats, private correspondence, diary entries and memoirs, reveal how Russian-Austrian relations during this period evolved from a “monarchical” alliance to complete cooling and mutual hostility. In our opinion, the determining factor in this regard was not pragmatic considerations of an economic or political nature, but the total penetration of nationalist ideology into the consciousness of the imperial elites, based on absolutely mythologized constructs. It was she who eventually formed the basis of the foreign policy of the two empires, the Russian and the Austro-Hungarian, and blocked any possibility of reaching a political compromise between them.

Key words: Russian-Austrian relations, Emperor Nicholas II, Emperor Franz Joseph I, the origin of the First World War, imperial elites

FOR CITATION: Yudin E.E. From “monarchical” solidarity to the formation of the image of the “enemy”: Political contacts between the Russian and Austrian Imperial elites in 1885–1914. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 80–99. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-80-99

Война между Россией и Австро-Венгрией, причем война нового тотального характера, где одна сторона добивалась полного расчленения территории противника, а другая стремилась отодвинуть его границы к «азиатским» областям, была определена правящими элитами двух империй отнюдь не летом 1914 г., а, по сути, еще в середине 1880-х гг. Более того, несмотря на последующие периоды «потепления» в отношениях двух держав, принципиальная позиция имперских элит России и Австро-Венгрии, очень сходных по своему составу – чиновная бюрократия, генералитет, земельная аристократия – в отношении друг друга претерпела незначительную эволюцию к 1914 г. Для российских правящих кругов этого времени Австро-Венгрия представлялась новым кандидатом в «больного человека» Европы, проводником враждебного «славянскому делу» германизма и мадьяризма, важнейшим препятствием на пути установления российского господства над черноморскими проливами. В свою очередь австрийских имперских политиков Россия пугала экзистенциальным «нависанием» над владениями Габсбургов, своей панславистской идеологией, поддержкой балканских народов и, в целом, всем своим духом «азиатской деспотии».

Отношение двух последних российских самодержцев – Александра III и Николая II – к Австро-Венгерской монархии изначально было крайне прохладным и даже враждебным. Это объяснялось как отсутствием в силу религиозных различий брачных союзов между Романовыми и Габсбургами, так и политическими соображениями. В последние десятилетия XIX в., по словам М. Ферро, к австрийскому императорскому дому в Петербурге относились с «презрением и злопамятством» [16, с. 66]. Романовы не могли простить Австрии ее «страшную неблагодарность» во время Крымской войны и то, что во время балканских конфликтов между 1878 и 1887 гг. Габсбурги всегда занимали враждебную России позицию [10, с. 283]. В период Боснийского кризиса (1908) Николай II на полях записки управляющего делами МИД Н.В. Чарыкова вполне симптоматично начертил: «Нужно всегда иметь в виду вековое двуличие (подчеркнуто в документе. – Е.Ю.) австрийской политики» [11, с. 239].

В специальных исследованиях, посвященных российской внешней политике той эпохи, отмечается, что в отношениях между Санкт-Петербургом и Веной с середины 1880-х гг. до середины 1890-х гг. доминировала «глухая вражда» [4, с. 234–243; 13, с. 161]. Так, в инструкции, данной в марте 1895 г. в Министерстве иностранных дел Российской империи графу П.А. Капнисту при его назначении на пост посла в Вене, отношения двух держав однозначно определялись как соперничество, а стратегические намерения на Балканах Австро-Венгрии виделись в намерении «заменить своим влиянием вековое влияние России, истекающее из единоверия и единоплеменности» [14, с. 113]. В своем обзоре внешней политики России в правление Александра III, который В.Н. Ламздорф подал Николаю II в конце 1894 г., говорилось, в частности, что «опыт выявил полную несовместимость интересов Австро-Венгрии на Балканском полуострове, как в то время их понимало правительство императора Франца Иосифа, с нашими задачами в этих странах», а политика монархии Габсбургов приняла «вызывающий и экспансивный характер»¹.

Для российской имперской элиты было характерно презрительное и враждебное отношение к монархии Габсбургов, что мотивировалось как исторической «изменой» Австрии, так и ослаблением ее военной мощи.

После неожиданной смерти российского министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского в августе 1896 г. (в 1882–1895 гг. он занимал пост посла в Вене) граф Густав Кальноки в письме А. фон Эренталю заметил, что тот не стоит ни единой слезы, поскольку «оценивал Австро-Венгрию как великую державу весьма невысоко» и высказывал сомнения, что «она останется существовать и в будущем» [3, с. 145]. Новый посол в Вене граф П.А. Капнист определял в письме Ламздорфу (26.06/09.07.1903) политическую ситуацию в Австро-Венгрии как перманентно кризисную и подчеркивал, что «дуалистический режим начинает давать трещину», оперируя привычными для российских правящих верхов клише².

В донесениях российских дипломатов в Санкт-Петербург общим местом стало скептическое отношение к перспективе длительного сохранения Австро-Венгерской империи, подчеркивались кризисные моменты ее развития и замалчивались успешные. Так, например, вплоть до начала Первой мировой войны Генеральное консульство России

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Ламздорф Владимир Николаевич, министр иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 53. Обзор внешней политики России за время царствования Александра III. Л. 2–2 об.

² Там же. Ед. хр. 525. Гр. Капниста П.А. Л. 57.

в Будапеште постоянно отправляло в Петербург донесения, в которых сообщалось о неизбежности развала таможенного союза Австрии и Венгрии в условиях роста антагонизма между австрийскими и венгерскими промышленниками, но ни слова не говорилось о складывании на территории Дунайской монархии единого экономического пространства с полной свободой передвижения инвестиций, технологий, товаров и рабочей силы [8, с. 158]. В январе 1914 г. в своей докладной записке Николаю II министр иностранных дел С.Д. Сазонов, опираясь на последние донесения консульских представителей в Австро-Венгрии, заключал, что в результате «народных движений» империя Габсбургов стоит перед выбором либо «федерализма», либо «конечного преобладания германо-венгерского меньшинства»³.

Последние Романовы довольно спокойно относились к перспективе распада Дунайской монархии, что стимулировало соответствующее планирование высших военных чинов. В 1898 г., когда стало известно о тяжелой болезни старого императора Франца Иосифа I, французский военный атташе в Петербурге сообщал в Париж, что российский Генеральный штаб и панслависты вынашивают планы расчленения Австро-Венгрии, что они уже не удовлетворяются выходом только к карпатской границе, но и расширяют свои претензии вплоть до Босфора [22, р. 69]. По словам В.А. Сухомлинова, российского военного министра в 1909–1915 гг., для него уже тогда, а с 1903 г. – «совершенно определено», выяснилась вероятность столкновения с Габсбургской монархией⁴.

Царские дипломаты были более осторожны в своих предложениях. Министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев, признавая в своем секретном письме (04.05.1900) князю Л.В. Урусову, российскому послу в Париже, что империя Габсбургов удерживается от распада в значительной степени личностью и авторитетом императора Франца Иосифа, тем не менее, полагал, что «приписываемая нам некоторой частью иностранной печати стремление округлить российские владения до Карпатских рубежей отнюдь не может входить в наши политические расчеты»⁵. Князь Урусов разделял мнение министра иностранных дел, что распад империи Габсбургов «в высшей степени нежелателен», но высказывал

³ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. М.; Л., 1931. Сер. III. Т. 1. С. 61.

⁴ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 267.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Ламздорф Владимир Николаевич, министр иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 74. Переписка министра иностранных дел с русскими послами в Германии и Франции о возможности расчленения Австро-Венгрии. Л. 9 об. – 10.

опасение, что государство Гогенцоллернов с «его идеологией германского национализма и жажды власти» в случае распада империи Габсбургов обязательно перейдет южную границу⁶.

В инструкции, выданной в 1905 г. министерством иностранных дел князю Л. Урусову в качестве нового посла в Вене, по мнению Д. Ливена, отразилось «глубинное отношение» правящих кругов Российской империи к монархии Габсбургов [9, с. 239]. В документе, в частности, отмечалось, что империя Габсбургов вступила на путь предоставления все большей автономии своим народам, поскольку уже не в состоянии поддерживать мощную, централизованную систему управления. В инструкции при этом обращалось внимание, что эволюция монархии Габсбургов в сторону федерации с возрастающей ролью славян-католиков может создать опасный в своей притягательности прецедент для славян, в том числе подданных Российской империи [Там же].

Взгляды Романовых на славянское население монархии Габсбургов как на своих будущих подданных коренились в идеологии русских панславистов и не являлись таким уж большим секретом. Николай II был искренне убежден в симпатиях славянских народов Австро-Венгрии к России. В этом он мог убедиться лично, когда в августе 1885 г. сопровождал своего отца императора Александра III на встрече с императором Францем Иосифом I в моравском Кремзире (Кромержиже). Местные чешские журналисты, проникнутые традиционным русофильством, восторженно описывали российскую царскую семью, а в цесаревиче Николае они уже увидели «будущего правителя славянской империи». И царь, и члены его окружения были удивлены восторженным приемом местных жителей, которые кричали ему не только «Слава», но и «Ура!» [24, S. 273].

В сходном духе виделся Николаю его визит в Вену в 1891 г. В известной книге Э. Ухтомского наряду с описаниями, как «император Франц Иосиф самым сердечным образом обнимет и целует Высокого Гостя» и как «русский престолонаследник столь же тепло здоровается с эрцгерцогом Карлом Людвигом», соседствовал рассказ, как на улицах столицы Габсбургов российского цесаревича восторженно приветствовали хорватские и сербские студенты, а чешская молодежь громогласно восклицала «Слава!»⁷. Как известно, Ухтомский писал эту книгу, советуясь

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Ламздорф Владимир Николаевич, министр иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 74. Переписка министра иностранных дел с русским послами в Германии и Франции о возможности расчленения Австро-Венгрии. Л. 11–16.

⁷ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891. СПб., 1893. Т. 1. С. 16–17.

с Николаем, который лично подверг это издание цензуре [15, с. 441]. Об особой миссии России в отношении европейских славян, в том числе балканских, Николай II периодически в последующие годы высказывал австро-венгерским и германским дипломатам [7, с. 189].

Как подчеркивал позже Ф. Конрад фон Хётцендорф, особую опасность для Австро-Венгрии представляли «сохранение великосербской идеи под покровительством России» и в «обозримом будущем» территориальные претензии России в Галиции, особенно в восточной части, населенной русинами, на что указывало, по его мнению, и возобновившаяся в предвоенные годы «энергичная агитация в Галиции со стороны России»⁸.

Разрыв отношений с империей Габсбургов после объявления войны в августе 1914 г. и вторжение русских войск в Галицию позволили верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, безусловно, с прямой санкции царя во всеуслышание предъявить притязания на австро-венгерские территории [6, с. 15]. Неудивительно, что в первые дни после объявления войны в Петербурге прошли демонстрации за «освобождение» Чехии, а 20 августа Николай II принял делегацию чешских обществ, которая вручила ему патетический, в славянофильском смысле составленный меморандум, в котором российскому императору предлагалась чешская корона Святого Вацлава [17, S. 671]. Эта инициатива горстки чешских эмигрантов стимулировала российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова в своих первых переговорах с державами Антанты о целях России в войне говорить не только о приобретении всей Польши, но и об «освобождении» Чехии [25, S. 295]. В ноябре 1914 г. Николай II перед французским послом в России М. Палеологом развил свои взгляды на условия будущего мира. Царь думал положить конец существованию Австро-Венгерской империи, отделив от нее Чехию, так чтобы Австрия свелась к старым наследственным владениям Габсбургов, включавшим также немецкий Тироль и Зальцбург⁹.

С начала 1880-х гг. правящие круги Австро-Венгрии с тревогой наблюдали за ростом националистических настроений в российском обществе и при петербургском дворе. Так в апреле 1887 г. австро-венгерский военный атташе в Санкт-Петербурге Э. Клепш писал А. фон Эрен-талю: «Мы живем здесь, находясь в центре самого зловещего явления <...> С кем бы (здесь и далее – подчеркнуто в документе. – Е.Ю.)

⁸ Feldmarschall Conrad von Hötzen. Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Band 2. 1910–1912. Die Zeit des lybischen Krieges und des Balkankrieges bis Ende 1912. Wien; Berlin, 1922. S. 80–81.

⁹ Палеолог М. Дневник посла. М., 2018. С. 171–172.

я не разговаривал, постоянно слышу: России угрожают со всех сторон (т.е. Германия и мы) – России необходимо сосредоточиться на своей защите – только в этом якобы и заключается опасность войны. Однако тебе как другу расскажу и то, что эти более или менее высокие господа говорят между собой <...> Говоря кратко, это то, что я называю политической директивой России и то, что, конечно же, никогда и нигде публично не провозглашается <...> Германия должна быть повержена, потому что она слишком сильна. Русское слово заглушается, и России препятствуют выполнять ее святую национальную миссию, которую здесь распространяют от Балканского полуострова до – двухвосткой – на севере до Будвайза и на юге включая Иллирию – территории, которые профессор Ломанский называет внутренним вопросом России. Австрию же необходимо низвергнуть как конкурентку и собственницу того, чем самим бы хотелось владеть <...> Император Александр III <...> прислушивается лишь к тем людям, которые принадлежат к панрусской партии»¹⁰.

Австро-венгерский посол в России в 1894–1898 гг. князь Ф. фон Лихтенштейн в своих официальных посланиях в Вену отмечал, что поспешными оказались надежды на стремление Николая II к сближению с германскими монархиями, т.к. никто в достаточной степени не принимал во внимание настроения, которые царили в этой стране со времен Александра III. По его наблюдениям, панславизм «разыгрывался» на самом верху, в высших кругах и в кругах серьезных государственных деятелей, и в силу своего слияния с православием оставался идеей, на которую даже высокопоставленным лицам было трудно нападать напрямую¹¹. Что касается Николая II, то его собственные высказывания, по словам австрийского посланника, говорили о проникновении в его сознание этой ксенофобской идеологии. При этом ни женитьба на немке, ни близкие отношения с германской правящей династии не могли этого изменить [3, с. 254].

В окружении Николая II среди его министров, дипломатов и высших военных трудно было найти тех, кто был бы готов к длительному стратегическому партнерству с империей Габсбургов, и к 1914 г. ключевые посты в российском политическом и военном руководстве по-прежнему занимали лица, настроенные на «экзистенциональном» уровне к Австро-Венгрии крайне враждебно – министр иностранных

¹⁰ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 18–20.

¹¹ Ibid. S. 156.

дел С.Д. Сазонов; военный министр В.А. Сухомлинов¹²; великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич, женатые на черногорских принцессах Анастасии и Милице Петрович-Негош¹³; российский посол в Париже А.П. Извольский, назвавший в свое время Эренталя «грязным евреем». Как замечает А. Скрживан, убежденность А. фон Эренталя как политика в том, что совместное движение России и Австро-Венгрии является необходимым и выгодным для обеих стран, представляется самообманом, который трудно понять [26, S. 107]. Граф О. Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1916–1918 гг., констатировал, что к 1914 г. в России был царь, «который не знал, чего хотел, и не мог выполнить, что хотел, – и военная партия, которая толкала к войне, несмотря ни на что»¹⁴.

Со временем австрийские правящие круги приходили к выводу, что главную угрозу безопасности Европе и их империи представляла именно эта влиятельная «военная партия» в Петербурге, питавшаяся шовинистическими идеями русских неославянофилов. И что более всего вызывало в Вене тревогу – то, что эти идеи разделял в определенной степени сам царь, чья самодержавная политика носила зачастую импульсивный и иррациональный характер. В ноябре 1912 г. австрийский посол в России граф Д. фон Турн передавал в Вену очередной ходивший в петербургском обществе слух, что царь был впечатлен недавним сном Распутина, в котором Россия предстала в полном вооружении, внезапно обнажила свой меч и с энтузиазмом ударила им во все стороны. С беспокойством австрийский представитель в Санкт-Петербурге отметил этот факт влияния «интригующих фанатиков» на политические решения «могущественного монарха» несмотря на то, что «западному уму» это кажется «почти непостижимым» [Ibid., S. 186].

В советско-русской литературе, как отмечал в свое время Т.М. Исламов, постоянно говорилось о наличии агрессивной «военной партии» в правящих австрийских кругах, к которой относили, как правило,

¹² Свои чувства во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг. В.А. Сухомлинов выразил следующим образом: «Мне, бывшему начальнику юго-западного края, имевшему в виду в течение многих лет вероятность столкновения с Австрией, выступление габсбургской дипломатии, как военному министру, дало такой сильный толчок, что даже поблдедела моя злота, которую я питал к “коварному Альбиону” со времен Сан-Стефанских дней» (Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 178).

¹³ По словам российского военного министра в 1905–1909 гг. А.Ф. Редигера, великая княгиня Милица Николаевна, будучи «ярой черногоркой», от «всей души ненавидела Австрию и Франца Иосифа» (Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. С. 102).

¹⁴ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 19.

начальника Генерального штаба генерал Ф. Конрада фон Хётцендорфа¹⁵, губернатора Боснии и Герцеговины О. Потioreка, министра финансов Л. Билинского и военного министра М. Ауфенберга, но «обходилось молчанием, что сумасбродные идеи Конрада непременно отклонялись министром иностранных дел графом Л. Берхтольдом, эрцгерцогом и самим императором» [6, с. 16]. Так, сторонником этой «военной партии» часто называли наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда [12, с. 19]. По сути, это утверждение опиралось на единственный источник – сообщение российского посла в Вене Н.Н. Шебеко (6/19 мая 1914 г.) который утверждал, что наиболее резкие против России выступления «исходили от лиц, близко стоящих к наследнику престола»¹⁶. Абсолютно некритично к этому документу прибегают и в современных исследованиях [1, с. 35]. Однако в том же документе Шебеко оговаривается, что «при той замкнутости и несообщительности, которые характеризуют австрийских государственных деятелей», его выводы могут иногда быть «не вполне точными»¹⁷. Более того, российский посол в Вене заключал, что эрцгерцог ранее неоднократно высказывал свои дружественные чувства к России, как «некоторым членам нашей императорской семьи», так и другим лицам¹⁸.

Еще в 1897 г. Франц Фердинанд писал австро-венгерскому послу в Петербурге принцу Ф. фон Лихтенштейну, что абсолютно тесный союз с Россией – вот «идеал моей жизни, к которому я всегда буду стремиться и над которым работать» [19, S. 169]. Оттокар Чернин признавал, что некоторые представители «военной партии» использовали эрцгерцога, чтобы вести от его имени военную пропаганду, но сам Франц Фердинанд, по его словам, всегда считал соперничество Вены и Петербурга на Балканах большой опасностью для дружеских отношений между двумя империями¹⁹. В ноябре 1903 г. хорошо осведомленный принц Ф. фон Лихтенштейн сообщал своей корреспондентке княжне М.А. Васильчиковой, что эрцгерцог Франц Фердинанд был

¹⁵ Главную внешнюю опасность для существования империи Габсбургов Конрад фон Хётцендорф видел, в «стремлении России расчислить себе путь к Константинополю путем разгрома Австро-Венгрии, обеспечить себе господство на Балканах и помешать устремлениям Германии в Азии». (Feldmarschall Conrad von Hötendorf. Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Band 1. Die Zeit der Annexionskrise 1906–1909. Wien; Berlin, 1921. S. 27.

¹⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. М.; Л., 1933. Сер. III. Т. 3. С. 39.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 61.

очень удовлетворен своей встречей с Николаем II в Мюрцштеге, а симпатия между ним и российским сувереном достигала степени «близкой дружбы»²⁰. Наследник австро-венгерского престола открыто говорил с царем о своих планах будущих внутренних реформ (создании Славянского королевства в составе Австро-Венгрии и в замене принципа дуализма государственного устройства монархии Габсбургов триализмом), жаловался на сильное давление, которое Берлин оказывал на Австрию, и на подчиненное положение, которое ей приходилось играть в Тройственном союзе [28, S. 197]. В свою очередь сам Николай II вынес после личной встречи не очень лестные впечатления о Франце Фердинанде. Так, в частности, в феврале 1912 г., он поведал тому же британскому послу Дж. Бьюкенену, как «был поражен и даже шокирован»²¹ откровенно неприязненными высказываниями Франца-Фердинанда в адрес своих будущих венгерских подданных. По словам царя, со стороны наследника австрийского престола едва ли подобало «выражаться подобным образом» в присутствии иностранного государя²².

Для сравнения супруга Франца Иосифа I императрица Елизавета (убита в 1898 г.) и их сын кронпринц Рудольф (ум. в 1889 г.) испытывали откровенную неприязнь к Романовым. Сопровождавший отца в Кремзире в августе 1885 г. на встрече с Александром III Рудольф откровенно насмеялся над продемонстрированной там австро-русской дружбой (что показывают, например, его письма, адресованные Морицу Сепшу и графу Иосифу Латуру фон Турмбургу)²³. Елизавета в своем стихотворном дневнике изобразила царскую семью в абсолютно карикатурном виде, сравнив ее с павианом в окружении обезьянок [20, S. 533]. Тогда же в августе 1885 г. в письме своей жене Стефании кронпринц Рудольф назвал царя и его окружение «вульгарным обществом» [Ibid., S. 534]. По его словам, русские в Кремзире выглядели настоящими «азиатами», и если во времена покойного императора они были по меньшей мере элегантны, то сейчас «даже некоторые из местных господ выглядят более благородно» [Ibid.]. В свиту императора

²⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5849. Васильчиковы, князья. Васильчиков Алексей Васильевич, сенатор, управляющий Вдовьим долгом, 1776–1854. Васильчиков Александр Алексеевич, сын А.В. Васильчикова, директор Эрмитажа. 1832 – не ранее 1896. Васильчикова Мария Александровна, дочь, фрейлина, 1859–1934. Оп. 1. Ед. хр. 62. Письма принца Франсуа Лихтенштейна на французском языке. 21 декабря 1898 – 11 апреля 1904. Л. 283 об.

²¹ British documents on Foreign Affairs: reports and papers from Foreign Office confidential print. Part I. From the Mid-Nineteenth Century to the First World War. Series A. Russia, 1859–1914. Vol. 6. Russia, 1910–1914. Washington, 1983. P. 193.

²² Ibid.

²³ Kronprinz Rudolf. Schriften. Wien; München. 1979. S. 135.

Александра III, кстати, в этой поездке входили граф И.И. Воронцов-Дашков, генерал-адъютант О.Б. Рихтер, генерал-адъютант Г.Г. Данилович, генерал-адъютант П.А. Черевин, обер-гофмаршал князь С.Н. Трубецкой, флигель-адъютант граф А.В. Олсуфьев, камергер-барон А.А. Будберг, лейб-хирург Г.И. Гирш. Царя сопровождали также члены его семьи – императрица Мария Федоровна, наследник цесаревич Николай Александрович, великий князь Георгий Александрович, великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна²⁴.

Два последних российских самодержца в своих политических действиях и публичных выступлениях балансировали между идеями традиционной монархии и националистического популизма, отвергая любые формы конституционализма. На этом фоне Франц Иосиф I, по выражению Х.-Х. Брандта, хотя и сохранял вплоть до конца своего правления «предконституционные и анациональные элементы» консервативной политической концепции [2, с. 413], на практике выступал в качестве конституционного монарха и чувствовал свою поддержку подданными. Габсбурги не испытывали страха перед своим населением и могли свободно перемещаться по улицам своих городов, что диссонировало с положением последних Романовых, которые после 1881 г. жили в постоянном страхе покушений, передвигались под постоянной защитой и полностью прекратили любые прямые контакты с населением. Во время встречи двух императоров в Кремзире у русской стороны, считавшей Австро-Венгрию «отжившим» политическим образованием, вызвала удивление и даже замешательство картина того, как Франц-Иосиф I ехал среди своих подданных в открытом экипаже практически без всякой охраны и наслаждался проявлением их преданности [24, S. 273]. Судя по сохранившимся в Австрийской национальной библиотеке фотографиям, даже в новоприсоединенном Сараеве (31 мая 1910 г.) император Франц Иосиф I передвигался в открытом экипаже по улицам, заполненным народом, в сопровождении только конной свиты [11, с. 160–161].

Если российские правящие круги сомневались в прочности Австро-венгерской империи по причине *национальных движений*, то в Вене были озабочены судьбой Романовых в связи с проблемами *социального порядка*. На коронации Николая II в Москве в мае 1896 г. присутствовала представительная австрийская делегация во главе с эрцгерцогом Евгением Фердинандом Людвигом из Тосканской ветви Габсбургов, троюродного брата императора Франца Иосифа I [3, с. 239]. Уже тогда

²⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Ламздорф Владимир Николаевич, министр иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 49. Материалы о свидании трех императоров в Кремзире и Скерневицах. Л. 53.

за фасадом пышных коронационных церемоний в Вене не преминули обратить внимание на угрожающие для российской монархии симптомы: «ужасная катастрофа» (Ходынка) бросила тень на этот «олимпийский праздник богов» (из письма Г. Кальноки Эренталю от 01.06.1896)²⁵.

В своих отчетах в Вену князь Франц Лихтенштейн сначала не хотел признавать неспособность молодого царя ориентироваться в политике: в молчании и бездействии Николая II в начале его правления он усматривал «мудрую осторожность» [цит. по: 3, с. 249]. Тем не менее, чуть позже он был вынужден был признать, что царь был фактически марионеткой императрицы-матери и находился под воздействием разного рода советников [3, с. 249]. Лихтенштейн приходил к выводу, что у царя нет ни единой политической идеи, ему не хватает последовательности в мышлении и действиях, и, самое главное, он не обладает достаточной силой и «дальше противостоять панславистскому напору» [цит. по: 3, с. 258]. Практически к таким же выводам приходил позднее А. фон Эренталь (инструкция своему преемнику в качестве посла в Санкт-Петербурге графу Л. фон Берхтольд (1906)²⁶). В своих воспоминаниях Берхтольд, представлявший Габсбургов в Санкт-Петербурге в 1906–1911 гг., отмечал, что за внешностью шармера, за словесным миролюбием и за всегда любезным отношением к австрийским дипломатам скрывалась историческая верность царя заветам «Завещания Петра Великого» [21, S. 33]. Берхтольд отмечал, что не успел Николай II отойти от потрясений революционного периода 1905–1907 гг., как уже в феврале 1908 г. вновь заявил ему как австрийскому послу, что важнейшей задачей российской политики остается поддержание славянской солидарности (царь не преминул подчеркнуть, что «он тоже русский») [18, S. 258].

Революционные события в России 1905–1906 гг. австрийские высшие круги восприняли со смешанным чувством тревоги (из-за подрыва прочности монархической системы) и определенного удовлетворения в ослаблении российской монархии, что могло временно ограничить ее экспансионистские намерения на Балканах. В Вене получали подробные сведения от своих дипломатических представителей в Санкт-Петербурге о Кровавом воскресеньи и других событиях²⁷. В первых откликах доминировали сочувственные ноты в адрес царской семьи. Князь Франц фон Лихтенштейн в письме Марии Васильчиковой

²⁵ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 108.

²⁶ Ibid. S. 468.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. р8091. Коллекция микрофото документов зарубежных архивов. Оп. 19а. Ед. хр. 17. Сообщение австро-венгерского посла о «Кровавом воскресеньи». Л. 1–2.

(20.02.1905) назвал убийство великого князя Сергея Александровича «ужасной, жестокой катастрофой»²⁸. В декабре 1905 г. князь Макс Эгон Фюрстенберг сообщал Эренталю в Петербург, что «император, конечно, усиленно занят русскими делами и <...> испытывает к царю горячую симпатию»²⁹. Князь К. Шварценберг в письме Эренталю из Вены (02.01.1906) высказывал надежду, что тот благополучно вернется из России, «обогащенный впечатлениями, которым я не завидую как монархически настроенный человек»³⁰.

При этом даже представители консервативной австрийской аристократии главную проблему Николая II видели в его приверженности «деспотической» форме правления и затягивании процесса перехода к ограниченному конституционализму. В ноябре 1905 г. князь Франц фон Лихтенштейн писал Марии Васильчиковой, что, по его мнению, русское общество пожинает плоды политики Александра III, чья «система была чисто отрицательной»³¹. Принц Готфрид фон Гогенлоэ уже после созыва первой Думы сообщал австрийскому послу в Санкт-Петербурге А. фон Эренталю (18.05.1906): «Я все еще полагаю, что по настоящему большая катастрофа внутри этого несчастного государства еще впереди и что все, что произошло до сих пор, было лишь прелюдией. С 1789 по 1793 год прошло также всего 4 года!»³². Сам Эренталь в конце мая 1906 г. был убежден, что скоро окажется посреди «сумерек богов» дома Романовых»³³.

Австрийские дипломаты также внимательно следили за новым всплеском национализма в российском обществе. В конце 1906 г. барон Унгерн-Штернберг, представитель корреспондентского бюро австрийского посольства, дал подробные разъяснения графу Л. фон Берхтольду

²⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. р5849. Васильчиковы, князя. Васильчиков Алексей Васильевич, сенатор, управляющий Вдовым долгом, 1776–1854. Васильчиков Александр Алексеевич, сын А.В. Васильчикова, директор Эрмитажа. 1832 – не ранее 1896. Васильчикова Мария Александровна, дочь, фрейлина, 1859–1934. Оп. 1. Ед. хр. 63. Письма принца Франсуа Лихтенштейна на французском языке. 5 июля 1904 – 30 октября 1907 г. Л. 131 об.

²⁹ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 374.

³⁰ Ibid. S. 375.

³¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. р5849. Васильчиковы, князя. Васильчиков Алексей Васильевич, сенатор, управляющий Вдовым долгом, 1776–1854. Васильчиков Александр Алексеевич, сын А.В. Васильчикова, директор Эрмитажа. 1832 – не ранее 1896. Васильчикова Мария Александровна, дочь, фрейлина, 1859–1934. Оп. 1. Ед. хр. 63. Письма принца Франсуа Лихтенштейна на французском языке. 5 июля 1904 – 30 октября 1907 г. Л. 155 об. – 156.

³² Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 380.

³³ Ibid. S. 386.

относительно организаций «истинно русских людей», к которым определенную симпатию стал испытывать царь и которые являются эпигонами «тех самых славянофилов» [21, S. 55]. Карл Эмиль фон Фюрстенберг также сообщал Эренталю (02/15.12.1906) об опасности с точки зрения влияния на царя этой партии «истинно русских людей», чьи акции всегда заканчиваются призывом «Долой конституцию и евреев»³⁴. На этом фоне, и здесь можно согласиться с выводами Д. Ливена, план Эренталья по возвращению к союзу трех восточноевропейских монархий – Габсбургов, Романовых и Гогенцоллернов – столкнулся в Вене с сильными внутренними лобби, противодействовавшими любым тесным отношениям с российским самодержавием. В них входили большинство германо-австрийцев, большинство либералов и католиков, почти все евреи и все социалисты [9, с. 78].

В период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. и в последующие годы представители австрийской правящей элиты могли только констатировать дальнейший рост антиавстрийских настроений и новый всплеск панславистской пропаганды в России. Хотя в феврале 1910 г. нормальные дипломатические отношения России и Австро-Венгрии были восстановлены, но о никаком сближении двух держав речь уже не шла [5, с. 108]. Российский генеральный консул в Вене Л.В. Иславин доверительно сообщал в Петербург барону М.Ф. фон Шиллингу (21.02.1910), одному из близких в российском министерстве иностранных дел к С.Д. Сазонову лиц, что «наша *Annäherung* с Австрией что-то не клеится», объясняя это тем, что «мы часто грешили страстностью и отсутствием последовательности, а они всегда извлекали из этого для себя пользу»³⁵. В декабре 1911 г. в своем секретном докладе эрцгерцогу Францу Фердинанду барон А. фон Эренталь констатировал, что царь Николай, несмотря на свои монархические убеждения и глубокую симпатию к «Высочайшей персоне Его Императорского и Королевского Апостольского Величества», должен учитывать «глас народа, который в России в вопросах внешней политики слышен больше, чем где-либо еще»³⁶. Под «гласом народа» в данном случае Эренталь имел в виду

³⁴ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 424.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 813. Шиллинг Маврикий Фабиянович, барон, дипломат, сенатор, секретарь российского посольства в Вене, Париже, Ватикане, директор канцелярии Министерства иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 261. Письма Иславина Льва Владимировича /русский генеральный консул в Вене/ Шиллингу М.Ф. 1907–1913. Л. 15 об.

³⁶ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 2. Graz, 1994. S. 760.

те слои российского общества, которые разделяли националистические и панславистские идеи.

В условиях нового Балканского кризиса, начавшегося в 1912 г., серьезное беспокойство императора Франца Иосифа I и его дипломатов, как в Вене, так и в Петербурге, вызывала неспособность Николая II противостоять влиянию «военной партии» и общественных сил, настроенных крайне антигермански и антиавстрийски.

По словам британского посла Дж. Бьюкенена, в конце 1912 г. в России «общественное мнение было настроено против Австрии, и многие слои населения склонялись в пользу войны»³⁷. В своем дневнике барон М.Ф. фон Шиллинг отмечал (27 декабря старого ст. 1913 г.), что «всю прошлую зиму петербургское общество вымещало... обоснованную ненависть к австрийцам на бедном и неповинном графе Турне»³⁸.

В российских столицах развернулась новая антиавстрийская кампания, которая по своим масштабам превзошла выступления периода Боснийского кризиса 1908–1909 гг. Открытые призывы к войне с Австро-Венгрией раздавались не только со страниц печати, но и в многочисленных общественных собраниях и с трибун Государственной думы [7, с. 186]. С.Д. Сазонов вспоминал, что в начале 1913 г. «сочувствие нашего общественного мнения сербским домогательствам» было таково, что казалось сложным «удержать в руках правительства руководящее влияние на ход политических событий»³⁹. По его словам, в общественных кругах, «близко стоявших к некоторым придворным и военным центрам», сложилось убеждение, что настала удобная минута «рассчитаться с Австро-Венгрией за грехи Эренталевской политики»⁴⁰.

В конце 1912 г. и первой половине 1913 г. в Санкт-Петербурге неоднократно проходили общественные акции с призывами к правительству не оставлять славян в беде (об этом граф Турн сообщал на Балльхаусплац уже 18 октября 1912 г.). Кульминацией этих акций стала серия славянских банкетов в поддержку Черногории весной 1913 г. (сообщения Турна от 06.04.1913 и Гогенлоэ в военное министерство от 10.05.1913) [23, р. 301]. В своих докладах в Вену граф Д. фон Турн постоянно

³⁷ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Мемуары. М., 2006. С. 104.

³⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 813. Шиллинг Маврикий Фабианович, барон, дипломат, сенатор, секретарь российского посольства в Вене, Париже, Ватикане, директор канцелярии Министерства иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 127. Отрывки дневников Шиллинга М.Ф. Л. 16.

³⁹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 92.

⁴⁰ Там же.

подчеркивал восприимчивость царя к внешним влияниям, особенно со стороны националистов панславистского толка⁴¹.

Отправляя в феврале 1913 г. в Санкт-Петербург своего личного представителя принца Готфрида цу Гогенлоэ-Шилингсфюрста, по словам Л. фон Берхтольда, Франц Иосиф «чувствовал себя лично уязвленным» уровнем непонимания, проявленным русским правительством в разворачивающемся кризисе на Балканах⁴². Гогенлоэ должен был передать царю собственноручное письмо австрийского императора и убедить принимающую сторону в том, что Габсбургская империя не имеет враждебных намерений в отношении России. Как правило, в исследованиях отмечается, что на фоне взращиваемых антиавстрийских настроений в Санкт-Петербурге, «миссия Гогенлоэ» имела успех и снизила накал политических страстей [25, S. 27]. Однако в целом австрийские правящие круги убедились в полной зависимости царя от «националистической» партии в его окружении. В результате своего пребывания в Петербурге Гогенлоэ ясно увидел, насколько сильно и опасно влияние воинствующих настроений общественного мнения на действия русских политиков, и в том числе на самого царя [26, S. 199]. В целом же Гогенлоэ, который вел переговоры не только с царем, но и с С.Д. Сазоновым и В.А. Сухомлиновым, как отмечал советник дипломатической миссии граф А. Хойос (10.02.1913), «особенно был поражен крайне раздраженным настроением против австрийской монархии и против Германии, существовавшим во всех руководящих кругах Санкт-Петербурга»⁴³.

В последующие примерно полтора года – от «миссии Гогенлоэ» до убийства в Сараево – контакты российских и австрийских правящих кругов сохраняли свою внешнюю корректность. Однако даже с австрийской стороны прекратились попытки добиться мирного стратегического соглашения с Россией. «Образ врага» окончательно сложился, и сдерживающие факторы в виде монархической солидарности или поддержания внутренней стабильности в обеих державах утратили свое значение. Во многом это стало следствием общего процесса, прослеживаемого по источникам начиная с 1880-х гг., когда в сознании имперских элит двух держав конструкты националистической идеологии стали вытеснять прагматические, рациональные принципы формирования внешнеполитического курса. Покушение на австрийского наследника престола в Сараево, очевидно, окончательно убедило старого кайзера Франца

⁴¹ Österreich-ungarnsaußenpolitik. Von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministeriums des Äußern. Wien, Leipzig. 1930. B. 5. 1 Dezember 1912 bis 31 März 1913. S. 720.

⁴² Ibid. S. 637.

⁴³ Ibid. S. 697–698.

Иосифа I, в том российский экспансионизм на Балканах, основанный на панславистских идеях, рано или поздно привет к войне. В своем известном письме германскому императору Вильгельму II (05.07.1914) австрийский монарх напрямую связал убийство своего племянника с агитацией русских и сербских панславистов, «единственной целью которой является ослабление Тройственного союза и разрушение моей империи»⁴⁴.

Библиографический список / References

1. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М., 2014. [Ayrapetov O.R. Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917): 1914. Nachalo [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917): 1914. Beginning]. Moscow, 2014.]
2. Брандт Х.-Х. Франц Иосиф I Австрийский (1848–1916) // Кайзеры. Ростов-н/Д., 1997. [Brandt H.-H. Frants Iosif I Avstriyskiy (1848–1916). Kayzery. [Franz Joseph I of Austria (1848–1916). Kaisers.] Rostov-on-Don, 1997.]
3. Вакоуниг М. Аристократ и дипломат. Дипломатическая миссия принца Франца де Паулы фон унд цу Лихтенштейна в Санкт-Петербурге в 1894–1898 гг. М., 2012. [Wakounig M. Aristokrat i diplomat. Diplomaticheskaya missiya printsa Frantsa de Pauly fon und tsu Likhtenshteyna v Sankt-Peterburge v 1894–1898 [Aristocrat and diplomat. The diplomatic mission of Prince Franz de Paula von und zu Liechtenstein in St. Petersburg in 1894–1898]. Moscow, 2012.]
4. Игнатьев А.В. Австро-Венгерская монархия во внешней политике России на рубеже XIX–XX вв. // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 234–243. [Ignatiev A.V. The Austro-Hungarian monarchy in Russia's foreign policy at the turn of the 19th and 20th centuries. *Sudba dvukh imperiy: Rossiyskaya i Avstro-Vengerskaya monarkhii v istoricheskom razvitiy ot rastsveta do krusheniya*. Moscow, 2006. Pp. 234–243. (In Rus.)]
5. Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. Тенденции. Люди. События. М., 2000. [Ignatiev A.V. Vneshnyaya politika Rossii. 1907–1914. Tendentsii. Lyudi. Sobytiya [Russia's foreign policy. 1907–1914. Trends. People. Events]. Moscow, 2000.]
6. Исламов Т.М. Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 14–46. [Islamov T.M. Austria-Hungary in the First World War. The collapse of the empire. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2001. No. 5. Pp. 14–46. (In Rus.)]
7. Котова Е.В. Русско-австрийские отношения накануне и в годы Первой мировой войны // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. Т. 1. Россия и Центральные державы. М., 2020. С. 168–196. [Kotova E.V. Russian-Austrian relations on the eve and

⁴⁴ Die Deutschen Dokumente zum Kriegausbruch 1914. Band 1. Vom Attentat in Sarajevo bis zum Eintreffen der serbischen Antwortnote in Berlin. Berlin, 1927. S. 21.

- during the First World War. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny*. Vol. 1. Rossiya i Tsentralnyye derzhavy. Moscow, 2020. Pp. 168–196. (In Rus.)]
8. Крючков И.В. Взаимоотношения Австрии и Венгрии в начале XX в. в донесениях российских дипломатов. На примере Генерального консульства России в Будапеште // *Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв.* М., 2009. С. 153–165. [Kryuchkov I.V. Relations between Austria and Hungary at the beginning of the twentieth century in the reports of Russian diplomats. On the example of the Consulate General of Russia in Budapest. *Mekhanizmy vlasti. Transformatsii politicheskoy kultury v Rossii i Avstro-Vengrii na rubezhe XIX–XX vv.* Moscow, 2009. Pp. 153–165. (In Rus.)]
 9. Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М., 2017. [Lieven D. Navstrechu ognyu. Imperiya, voyna i konets tsarskoy Rossii. [Towards the fire. Empire, war, and the end of Tsarist Russia.] Moscow, 2017.]
 10. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. [Lieven D. Rossiyskaya imperiya i yeye vragi s XVI veka do nashikh dnei. [The Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present day]. Moscow, 2007.]
 11. Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021. [Pakhomova L.Yu. Balkanskiy lakmus. Avstro-vengerskaya politika v Bosnii i Gertsegovine i rossiyskaya diplomatiya (1878–1908) [Balkan litmus. Austro-Hungarian Policy in Bosnia and Herzegovina and Russian Diplomacy (1878–1908)]. Moscow, 2021.]
 12. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. [Pisarev Yu.A. Velikiye derzhavy i Balkany nakanune pervoy mirovoy voyny [Great powers and the Balkans on the eve of the First World War]. Moscow, 1985.]
 13. Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. [Rybachyonok I.S. Zakat velikoy derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tseli, zadachi i metody [The decline of a Great Power. Russia's foreign policy at the turn of the 19th and 20th centuries: Goals, objectives, and methods]. Moscow, 2012.]
 14. Рыбаченко И.С. Россия и Австро-Венгрия на Балканах: соперничество и сотрудничество на рубеже XIX–XX вв. // *Европейский альманах. История. Традиции. Культура*. 2006. М., 2007. С. 111–126. [Rybachenok I.S. Russia and Austria-Hungary in the Balkans: Rivalry and cooperation at the turn of the XIX–XX centuries. *Yevropeyskiy almanakh. Istoriya. Traditsii. Kultura*. 2006. Moscow, 2007. Pp. 111–126. (In Rus.)]
 15. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. [Wortman R.S. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii [Scenarii of power. Myths and ceremony in Russian Monarchy]. Vol. 2. Moscow, 2004.]
 16. Ферро М. Николай II. М., 1991. [Ferro M. Nikolay II [Nicholas II]. Transl. from French. Moscow, 1991.]
 17. Borovička M., Kaše J., Kučera J.P., Bělina P. Velké dějiny zemí koruny české. Svazek XII. 1890–1918. Praha, 2013.

18. Calgren W.M. Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Russische und österreichisch-ungarische Balkanpolitik 1906–1908. Uppsala, 1955.
19. Galandauer J. František Ferdinand d'Este. Následníktrůnu. Praha, 2000.
20. Hamann B. Elisabeth. Kaiserin wider willen. Wien; München, 1992.
21. Hantsch H. Leopold Graf Berchtold. Grandseigneur und Staatsmann. Band I. Graz, 1963.
22. Luntinen P. French information on the Russian War plans. 1880–1914. Helsinki, 1984.
23. McDonald D. A lever without a fulcrum: Domestic factors and Russian foreign policy, 1905–1914. Imperial Russian foreign policy. Cambridge, 1993.
24. Pernes J. František Josef I. Nikdy nekorunovaný český král. Praha, 2005.
25. Rauchensteiner M. Der erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien, Köln, Weimar, 2013.
26. Skřivan A. Císařská politika. Rakousko-Uhersko a Německo v evropské politice v letech 1906–1914. Praha, 1996.
27. Skřivan A. Nástup Alois Lexa von Aehrenthal do úřadu ministra zahraničí Rakouska-uherska v roce 1906. *Poctadocentu Vladimíru Nálevkovi. K šedesátým narozeninám*. Praha, 2001. S. 105–115.
28. Weissensteiner F. Franz Ferdinand. Der verhinderte Herrscher. Wien, 1983.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025, принята к публикации 16.05.2025

The article was received on 01.04.2025, accepted for publication 16.05.2025

Сведения об авторе / About the author

Юдин Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Evgeny E. Yudin – PhD in History; associate professor at the Department of History of the Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

E-mail: evgeny_yudin@mail.ru